

Так я иду вперед дорожкой прямою...

СОБЕСЕДНИК

Эта встреча с заслуженным артистом России Виталием Львовичем Стужевым, человеком, чьим профессионализмом я искренне восхищаюсь с момента нашего знакомства, началась с курьеза. Поводом для встречи (и виновницей курьеза) послужила... юбилейная дата. Точнее, сама цифра.

— Заранее поздравлять не принято, но все-таки — с 55-летием вас, Виталий Львович.

— На этом я предлагаю наше интервью закончить, — абсолютно серьезно заявил артист.

«Черт, как неудобно получилось! — мысленно прокляла я себя. — Могла бы поточнее все узнать». А вслух произнесла:

— Простите великодушно, приплюсовала лишний пяток лет. Но вы не подумайте, не со зла...

Стужев недоуменно вскинул брови и молча меня обнял.

— Я опять что-то не то сказала? — вконец растерялась я.

— Вы сказали отличный комплимент. Мне 65 исполняется.

— Не может быть!

— Может-может, я не красна девица, чтобы свой возраст скрывать. Но в благодарность за комплимент я вам всю правду про себя расскажу, ничего не утаю — ни плохого, ни хорошего.

Я родился в актерской семье. Мой отец Лев Ефимович был грандиозным артистом, таких сейчас уже очень мало. Беда его заключалась в том, что при огромном таланте и колоссальном чувстве юмора он был скромнен. Это очень осложнило его жизнь: его многократно приглашали в разные столичные театры, но он считал, что в Москве и так много хороших артистов, там без него спокойно обойдутся, поэтому более 30 лет проработал в Пермском драмтеатре. Отец был человеком, которого я безгранично уважал. Я считал его эталоном — человеческим, актерским — во всех отношениях. Мать тоже была актрисой, несмотря на то, что была очень красивой женщиной, амплу героини предпочитала острохарактерные роли. Где-то в середине своего творческого пути увлеклась детским театром, была любимицей Образцова. Родители были самыми главными противниками того, чтобы я шел в театр, поскольку сами прошли через это горнило и не хотели такой судьбы своему сыну. Но все было predetermined.

Первый раз я вышел на сцену, если можно так сказать — «вышел», когда мне было... несколько месяцев. В пьесе Верты «Земля» отец играл главную роль, мать тоже была занята. И там по пьесе была сцена с грудным ребенком. Вот исполнителем роли ребенка я и стал. О втором моем актерском дебюте мало кто знает. Дело было в Рыбинске. Я вышел на сцену в семь лет. И не просто вышел, а с текстом, и был это не простой текст, а диалог с Владимиром Ильичем Лениным. В спектакле «Кремлевские куранты» есть эпизод, когда Ильич, приехав на охоту, беседует в избушке лесника с двумя детьми. Одним из этих детей и был ваш покорный слуга. Окончательно я пришел в театр в возрасте 17 с небольшим лет, сразу после окончания школы. Нет, я, как водится, сперва совершил вояж в Москву, попытался поступить сразу в несколько институтов — школу-студию Малого театра, ВГИК и ГИТИС, меня, естественно, не взяли.

— Почему это естественно?

— Я вернулся в Рыбинск — именно здесь я вырос на попечении бабушки, здесь окончил школу, в местном театре некоторое время работали отец с мамой — и меня из уважения к моим родителям взяли на работу в тот же самый театр. Ставку дали мизерную, но зато сразу задействовали в нескольких спектаклях. Потом я уехал на Урал, в Пермь, там началась моя сногшибательная карьера

— А родители как к этому отнеслись? Вы говорили, что они были категорически против.

— Как они могли отнестись к уже свершившемуся событию? Без особых надежд, но «пусть попробует». Приехав в Пермь, я понял, что поступать в труппу театра, в котором отец играет ведущие роли, как-то неправильно. И я отъезжал в маленький городок Лысьва

Пермской области. Там был очень симпатичный театр, как это ни покажется странным.

— Чем же вам так приглянулся этот театр?

— В это время туда приехала группа актеров из Москвы во главе с режиссером Борисом Скоморовским. Мы с ним очень немного работали вместе, но он оставил глубокий след в моей жизни. Тут надо сделать некое отступление. Был такой творческий тандем двух режиссеров — Скоморовского и Докутовича. Они параллельно с Ефремовым со-

начиная с ранней молодости, представлял к званию заслуженного артиста, а получил его только в 50.

— Почему?

— Потому что я всегда уезжал за день до того, как... Уже все документы готовы, а я с заявлением: «Подпишите, пожалуйста, я уже в другом театре договорился». — «Да ты с ума сошел! Куда?» — «Нет-нет, вот здесь закорючку поставьте. Меня там уже ждут».

— Не пытались подсчитать, сколько ролей сыграли за свою кочевую жизнь?

Фото Дмитрия БАХТИНА

здавали театр в Москве. А нужно было оставить один театр — либо ефремовский, либо Скоморовского — Докутовича. Каждый из режиссеров собрал очень талантливую труппу. Ефремов сделал для начала своей карьеры «Вечно живых» Розова, а эти двое — ни больше ни меньше «Один день Ивана Денисовича». Дело было в начале 60-х годов. В 24 часа их поперли из Москвы. Так группа во главе со Скоморовским, человек пять, оказалась в Лысьве. Я сыграл сразу — в 18 лет! — Фердинанда в «Коварстве и любви», Пабло в «Третьем слове» Касоны (была такая модная пьеса, потом она стала почему-то называться «Дикарь»). Этими двумя колоссальными ролями я заявил о себе как о молодом герое, или герое-любовнике, как тогда называли. И это амплу приклеилось ко мне на многие годы.

А потом была армия. На три года я практически выпал из творческого процесса. Два года служил по-настоящему в танковых войсках, потом меня забрали в Москву — я играл в футбол за дубль ЦСКА. Тренер тогда сказал, что годя через три при серьезном отношении к делу, может быть, и до сборной Союза дотянем... Правда-правда, чего вы смеетесь? Я, между прочим, мастер спорта по футболу. Я неделю мучился: театр или спорт, футбол или сцена? Помучился-помучился и демобилизовался.

— Театр перевесил?

— Так к тому времени я уже познал, что такое успех, поклонницы... И началась моя кочевая сценическая карьера.

— Почему кочевая?

— А мне было интересно встречаться с разными людьми, городами, театрами. Я по природе своей путешественник. Спрос на амплу героя был большой, меня всюду приглашали. Театр Северного флота, Липецк, Брянск, Барнаул, Красноярск, Грозный... Присматривал себе театр, работал там пару лет, достигал какого-то успеха и... начинал тосковать. Едва поймав себя на этом, тут же расстилал огромную карту: куда бы еще поехать?

— Вы настолько легки на подъем?

— Легки? Я на этом много потерял с меркантильной точки зрения. Раз пять,

Пытался, но постоянно сбивался со счета. Порядка двухсот. Из них 150 центральных, а из этого числа — чем я очень горжусь! — сорок наивысших ролей мирового классического репертуара. Я думаю, что сегодня мало артистов, которые могут похвастаться этим. Шесть ролей Шекспира, шесть — Островского, Чехов, Мольер, Шоу, Лопе де Вега, Гоголь, Горький... А между делом мне удалось-таки поступить в ГИТИС на актерский факультет, через месяц перевестись на заочное отделение. Через год поступить туда же, но уже на театроведение, и спустя некоторое время закончить оба.

— Осталось что-нибудь, что вы еще не сыграли?

— Осталось. Одну роль я не сыграл сознательно. В 22 года — тоже редкий случай — мне предложили Гамлета.

— Только не говорите, что какой-нибудь актер может добровольно отказаться от Гамлета!

— Какой-нибудь — не знаю, а я отказался. Дело было так.

Мы уже начали работать индивидуально, и вот накануне общего распределения ролей на экраны вышел фильм со Смоктуновским, актером, которого я безгранично люблю и считаю самым великим за всю историю русского театра. Я посмотрел этот фильм и увидел, что его работа — примерно то же самое, что мы хотели сделать на сцене. Сыграть лучше было уже невозможно, а хуже — зачем? На следующий день я отказался от этой роли.

— Струсили?

— Наоборот, я совершил подвиг, преодолел свое адское желание. Больше к этой роли я не возвращался, хотя хотел. Есть еще одна несыгранная роль, и вряд ли я когда-либо ее сыграю — Сирано де Бержерак. Это абсолютно моя роль, я был готов к ней, многие годы шел к этой роли. Но не смог найти ни одного режиссера, заинтересованного в этом спектакле. Есть еще одна роль, для которой я еще, может быть, находясь на возрастной грани, — Ричард III. Но и здесь — увя.

— А были в жизни ситуации, когда вы что-то упустили по своей вине?

— Да, когда нас с женой пригласил к себе в труппу Георгий Товстоногов, а я просто испугался. БДТ был на пике популярности, труппа — все на своих местах. Вот тут я струсил. Потрясающий режиссер Георгий Андреев, мой друг, педагог моей жены, работал у Товстоногова. Он поставил на нас с женой спектакль «Двое на качелях», с этой работой нас и приглашали. А параллельно пришло приглашение в Ярославль, в Волковский театр. И мы выбрали последний. Здесь произошла моя встреча с Глебом Дроздовым, которая, возможно, и предопределила всю последующую жизнь.

Дроздов был талантливым режиссером, гениальным организатором театрального дела. Он хотел одного — сделать очень сильный театр. Для этого пригласить несколько хороших профессионалов. Понятно, были недовольные. Началась настоящая война. Долгое время, как секретарь партийной организации, я был буфером между враждующими сторонами, потом, уже предчувствуя поражение, но твердо веря, что художник всегда прав, встал на его сторону. Потом у Глеба возникла идея создать первый в России контрактный театр. Это была моя юношеская мечта. Я так загорелся этой идеей, найдя единомышленника. И мы сделали такой театр, но уже в Тольятти. В течение пяти лет это был сказочный театр. Актеры получали в два с половиной раза больше, чем в любом другом театре Советского Союза. Все получили квартиры, кто хотел — купили машины. Гастроли — Болгария, Югославия, Англия, Германия, и это в то время, когда театры вообще никуда не выезжали! Я должен был получить звание народного... и ушел.

— На этот-то раз почему?

— Принципы. Они у меня есть, и изменить им я не могу. Мы договорились создать театр на определенных принципах. Дроздов начал заниматься бизнесом, а как человек талантливый, он был талантлив и в этом. Но это стало отражаться на творчестве. Пусть это не было заметно для зрителя, но внутри театра... Мы с Дроздовым были друзьями, и, более душой о том, что заданная высочайшая планка неумолимо начинает снижаться, я высказал все Глебу. Более того, я не перезаклучил контракт. В результате остался без театра и без звания.

— Но с принципами?

— С принципами. Они либо есть, либо их нет. У меня — есть.

— Вы прощаете такие ситуации, чисто по-человечески?

— Меня воспитывала бабушка по линии матери. Она из дворянского рода, ушла в революцию, отказалась от своего клана. Но быстро все понизала, уехала в деревню учить детей, организовывала детские дома. Благодаря бабушке я получил хорошее воспитание. Она была человеком глубоко верующим, а я атеистом. Пионер, комсомолец, в партию вступил в 19 лет по зову сердца. И бабушка мне всегда говорила: «Вслух нельзя, я понимаю, но ты хотя бы в глубине души верь». Бог велел прощать. И я прощаю. Но в принципе я пересиливаю себя, потому что я человек бескомпромиссный.

— В вашем творческом досье есть еще одна славная страница — театр на набережной...

— Это было в 87-м году. В выставочном зале была колоссальная выставка работ Константина Коровина. Людмила Зотова сделала спектакль по книге его воспоминаний «Мыс Доброй надежды», который так и назывался. Успех превзошел все ожидания. На его гробне мы сделали второй спектакль, инсценировав «Портрет» Гоголя. Потом был «Иуда Искариот» — славная страница в моей биографии. А потом меня пригласил Александр Сергеевич Кузин. Я никогда не работал в детском театре. Хотя я играл в первом тюзовском спектакле, точнее, это был совместный спектакль актеров ТЮЗа и театра имени Волкова. Сергей Розов поставил спектакль «Упал я с коня» с актерами, которые потом вошли в первый состав труппы ТЮЗа — Тася и Игорь Попенко, Юра Ваксман, Сергей Аносов... Я там тоже играл. Я долго присматривался к театру — это я уже возвращаюсь к моему приходу в ТЮЗ. Мне понравившись. Я отношусь к Александру Сергеевичу как к немногим режиссерам — пяти-шести, встреченным мною за 47 лет работы на сцене, которые мне чрезвычайно импонируют.

— Вы не разочаровались в театре за столько лет работы? Я имею в виду не конкретный театр, а вообще.

— Моя жена разочаровалась, уйдя в пике формы. Она была одной из самых известных актрис периферийных театров, в 28 лет получила звание заслуженной. Она разочаровалась. А я... Я уже не люблю театр так ослепло, безудержно, как в юности. Я вижу некоторое падение театрального искусства.

— Что вам не нравится в современном театре?

— Коммерциализация театра, когда главным становится не творчество, а деньги. Активно не нравятся, когда прекрасные артисты собираются в гол-компани, сляпывают на живую нитку спектакли и едут по периферии на одном своем имени зарабатывать деньги. Они дискредитируют себя, и главным образом театр. Потому что зритель воспринимает это как образец — еще бы, столичные звезды! А на самом деле этот образец ниже нижней планки. Мне не нравится, что талантливые люди не могут осуществить свои идеи из-за отсутствия денег. Пример последних лет. Кузин начинает репетировать с актерами очень интересную пьесу «Лев зимой». Репетируем месяца два, но так и не выпускаем — не хватает денег. Параллельно работаем над другим спектаклем — изумительная, смешная пьеса «Женщина в подарок». Та же история... Это очень тяжело.

— Вы упомянули про планки. А у вас они есть?

— Их две: нижняя называется «хорошо», верхняя — «гениально». Я стремлюсь достичь верхней планки, никогда ее не достигну, но я стараюсь. Однако ниже нижней опуститься я не имею права.

— Вы сами себе установили их?

— А разве это может сделать кто-то еще?

— Высочайших планок не меняются с течением лет?

— У «хорошо» и «гениально» не может быть относительной высоты. Я ненавижу халтуру, никогда не позволяю себе сыграть расслабленно или в неполную силу. Из-за меня ни разу за 47 лет работы не отменялся спектакль. Играл с температурой под сорок, с сильнейшим растяжением ноги, когда приходил в театр на костылях, туго перебинтовывал ногу и играл Лопе де Вега и... уходил домой на костылях. Я не позволяю себе расслабиться.

— Может быть, это некорректный вопрос, но почему не сложилась ваша карьера в кино?

— Некорректный?! Да это жестокий вопрос! Карьера в кино? Я очень люблю кино и всегда хотел сниматься. Было несколько предложений колоссальных, баснословных, и каждый раз в последний момент что-то мешало. Бывают люди невезучие — не везет, и все, к этому как-то привыкаешь. А я из тех людей, которым изощренно не везет, которым все идет в руки — лучше придумать невозможное! — и в последнюю секунду все срывается. Именно так у меня получилось с кинематографом. Роль, которую я должен был сыграть в раннем возрасте, могла предопределить все мое будущее. Я был утвержден на одну из главных ролей в фильме «Человек-амфибия». А сыграл ее Казаков, потому что меня не отпустили на съемки из театра. Второй случай из той же серии. Был фильм, который получил Государственную премию (и я бы ее получил). — «Шестое июля». Там Ленина играл Каюров, Дзержинского — Лановой, а я должен был играть Свердлова. Я утвержден безоговорочно. Театр уезжает на гастроли, я на киностудию оставляю все свои координаты: «Вызывайте, приеду!» Закачиваются гастроли, вызова все нет. И в последний день приходит виноватый режиссер и протягивает мне пачку телеграмм: «Ну, ты понимаешь...» Я-то понимаю, «Мосфильм» не понял. Пробы проходили — вы только вслушайтесь в эти имена! — Гафт, Ролан Быков, Беляевский, Юрский, Евстигнеев... Я очень понравился Гайдаю, единственный минус — «мало лица». Худое лицо, а для кино это важно. Мне сказали: надо поправиться. Я ел за семерых — бесполезно.

— Когда вам становится тяжело, какие у вас есть зацепочки в жизни? Знаете, так, чтобы оттолкнуться и выплыть.

— Я очень ценю понятие «профессионализм». Смею надеяться, что могу к себе это понятие присвоить. Это талант, умноженный на трудолюбие и огромную ответственность за свое дело. В моменты отчаяния он помогает. А еще — вера. Оптимизм поубавился, но вера осталась.

Лариса ДРАЧ.